

Лецинская О.А.

доктор филологических наук
профессор кафедры белорусского языка
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины

ГОЛОД НЕ ТЁТКА. ОБРАЗЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ О СОСТОЯНИИ ГОЛОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье на материале диалектных и литературных фразеологизмов белорусского языка, частично репрезентирующих гастрономический код культуры белоруссов, выявляются основания образов о состоянии голодного человека, устанавливается информация о представлении результатов познания человеком себя через себя, о ценностном содержании культуры, ее категорий и смыслов, транслирующие установки, стереотипы, символы, эталоны.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент, образ, голод, оценка, символ, эталон, стереотип.

Leshchinskaya O.A. Hunger is not an Aunt. Images of Phraseological Units about the State of a Hungry Person. Based on the material of dialectal and literary phraseological units of the Belarusian language, which partially represent the gastronomic code of the culture of Belarusians, the article reveals the foundations of images about the state of a hungry person, establishes information about the presentation of the results of a person's knowledge of himself through himself, about the value content of culture, its categories and meanings, transmitting attitudes, stereotypes, symbols, standards.

Key words: phraseological unit, component, image, hunger, assessment, symbol, standard, stereotype.

Фразеологические единицы (ФЕ) каждого языка служат в первую очередь отражению культурной информации народа-создателя и носителя этих единиц. Изучение ФЕ, представляющих гастрономический код культуры белорусов и функционально

значимую культурну інформацію об этом феномене жизни нашего народа, позволяет отметить прежде всего многочисленность ФЕ с различными образами, наличие национально отличительной культуры благодаря отбору слов-символов, прочтению ФЕ как «языковых и культурных знаков вторичной номинации» (В.М. Мокиенко). Именно отбор слов-символов и создание ФЕ-эталонов, стереотипов служит базой для определения особенностей менталитета и причиной притягательности для исследования лингвистов гастрономических отличий, связанных с выбором каждым народом своих продуктов питания, их вкусовых особенностей, рецептуры, наименований блюд как основы создания образов ФЕ [2; 3; 6; 7; 8; 9; 10 и др.].

В предлагаемой статье объектом изучения избраны те ФЕ-репрезентанты гастрономического кода культуры белорусов, которые объединены общим значением ‘голодать, быть голодным, сильно хотеть есть’. И основными определителями таких показателей состояния человека при создании образов ФЕ избраны соматизмы, или наименования тех части тела человека, которые, с одной стороны, определённым образом связаны с процессом употребления человеком пищи или выявляют наивное восприятие человеком ощущения голода и желания есть; с другой стороны, «помимо “называния”, несут в себе значимые для культуры смыслы и образуют соматический код культуры» [4, с. 86]. Нами выделено более 20 ФЕ, служащих образному выражению сильного ощущения голода и большого желания человека есть на основании олицетворения, метонимического отождествления части и целого, когда в основу образов взята в основном соматическая метафора, а показателем такого чувства выступает наименование отдельного органа человека, наделённого в дополнение к его основному значению символическим значением.

И такой единицей в составе ФЕ является соматизм *живот* (*живот* – ‘часть тела у человека и животных, в которой расположены печень, желудок, кишечник, селезёнка и другие органы’ [11, с. 483]): *жывот да спіны /да хрыбетніка /да паясніцы прырос /прысох /прыліп* ‘кто-н. мощна прагаладаўся’ (Л-2008-1: 425); *жывот прысох да хрыбятной косці* ‘кто-н. вельмі мощна прагаладаўся’ (Д-2020: 199); *падцягвала /падцягнула жывот /жываты /дух /духі* ‘кто-н. вельмі галодны, змарнеў, галадае’ (Л-2008-2: 147). Например: – *Прузына вунь*

абед валачэ!.. – Хутчэй, цётка Прузына! А то жыво́т да спіны прырос. (А. Якімовіч); *Баба, дай чаго паесыці, а то жыво́т да сьпіны прысох.* (Д-2020: 199); *На хлеб вялікі цяпер запрос, жываты ў людзей надцягнула...* (П. Галавач).

Представление об ощущении сильного голода во ФЕ передано с помощью образа об изменении внутреннего пространства живота в результате его срастания или прилипания с противоположной ему частью тела, а также подтягивания живота в связи с отсутствием пищи. Как видно из компонентного состава ФЕ, здесь отмечены две группы лексических вариантов: наименования органов, к которым срастается живот (*да спіны /хрыбетніка /паясніцы; да хрыбятной косці*) и наименования «действий» живота (*прырос /прысох /прыліп*).

С близким значением и с тем же соматическим компонентом отмечена диалектная ФЕ *жыво́т плача* ‘каму-н. вельмі хочацца есці’ (Д-2020: 199), образ которой соотносится с соматическим кодом культуры, в котором наименование *живот* насыщается функционально значимым для культуры смыслом. В основании образа ФЕ лежит антропоморфная метафора, в которой отображено представление о бедственном положении живота без еды, в результате чего он плачет, как неотделимой части целого (тела человека), что символически замещает самого человека с его физическим состоянием сильного желания поесть. Например: *Давай перакусім, бо ў міне ўжэ жыво́т плача.* (Д-2020: 199).

В составе ФЕ *чэрава трубіць* ‘пра моцнае адчуванне голаду, хацэння есці’ (Ф-1993: 628) использован соматизм *чэрава* (*чэрава – разм.* ‘бруха, живот’ [13, с. 337], что сразу же переводит ФЕ в разряд стилистически сниженных единиц. Образ ФЕ соотносится с телесным, или соматическим, кодом культуры. В основании образа ФЕ лежит метафора, уподобляющая человека, который ощущает сильное чувство голода и имеет огромное желание поесть, его части – чэраву как одухотворенному существу, или музыкальному инструменту, что подаёт сигнал, извещает об этом благодаря использованию глагольного компонента. Здесь слова-компоненты частично совмещают своё прямое значение с тем новым смыслом, той символикой, получившейся в составе ФЕ, или, как отмечает Ю.М. Лотман,

«содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание» [5, с. 160].

Такие же ощущения человека переданы и с помощью нового образа во ФЕ *салаїі /салавейчыкі пяюць /спявалі ў жываце* ‘хто-н. вельмі хоча есці, адчувае моцны голад’ (Л-2008-2: 359); *салаїі ў жываце спяваюць* (С-1991: 71) или *у жываце салаїі спяваюць* ‘хочацца есці’ (М-К-1972: 238), которая благодаря компоненту *салаїі /салавейчыкі* соотносится с зооморфным кодом культуры, и благодаря такому образу с выбором соловья как птицы высоко ценимой в народе за ее совершенное пение ФЕ приобретает «мягкость» и деликатность в сообщении и оценке голода. Например: *Сцёпка прысеў з краю, азірнуў “абед” і адчуў, што ў жываце салаїі спяваюць.* (М. Тычына).

Образ ФЕ содержит пространственно-телесную и зооморфную метафору, уподобляющую состояние голодного человека пению соловьёв, находящихся в животе. Известно, что песня соловьёв богата звуками и разнообразным свистом, щёлканьем, клёкотом, и можно предположить, что образ ФЕ навеян в результате опыта и знаний человека о голодном желудке, который нередко издаёт урчащие звуки, которые образно названы пением соловьёв.

Как видно, белорусские ФЕ с компонентом *жывот, чэрава* выявляют образность, меткость и вместе с тем характеризуются наличием юмора, здоровой насмешки человека над самим собой и выступают в роли стереотипного представления о состоянии голодного человека, который испытывает большое желание поесть.

Ещё одним частотным соматическим компонентом ФЕ этой фразеосемантической группы выступает лексема *кишки* как наименование избранного органа человека, что непосредственно связан с представлением о еде и голоде (*кишки* – ‘эластичная трубка, являющаяся частью пищеварительного тракта человека или животного’ [12, с. 52]). И это опять ФЕ, построенные на основании олицетворения как разновидности метафоры и выразительной образности. Так, в основе образов ФЕ *кішка з кішкою у кулачкі ідуць* ‘нехта адчувае моцны голад, вельмі хоча есці’ (Л-Ш-2007: 130) и *кішка з кішкаю сварыцца* (С-1991: 71) желание поесть очень голодного или сильно проголодавшегося человека уподобляется воинственным действиям или ругани кишок. Например: *[Данілка:] Як добра, што мамка*

разлажылі агоньчык і бульбачку печыцё, бо мне, праўду кажучы, дрыжыкі на целе так і скачуць <...>, а тут (паказвае на жывот) кішка з кішкай у кулачкі ідуць, што хоць ты ўрадніка кліч разбараняць іх! (Я. Купала). И снова нельзя не отметить изобретательность народа-создателя этой единицы, его способность наглядно и образно представить абстрактное понятие, зримо и познавателью довести целую гамму информации.

К предыдущим присоединяются ФЕ *кішкі марш граюць /марша граюць* (Л-2008-1: 578); *кішкі марш граюць /іграюць /трубяць* (Д-2020: 258) с тем же значением, но с новым образом, где опять кишки выступают в роли опорного, фразеобразующего, компонента, к тому же ещё и живым существом. И в основе образа метафорически доводится об уподоблении сильного желания есть к игре кишок марша. И выбор компонента *марш* неслучаен, так как здесь благодаря этому компоненту снова подчеркивается «воинственное настроение», извещается о «манёвре» кишок как о нетерпении человека дальше выносить голод. Например: – *За работу, дык за работу.. – азваўся Шкурдзя. – Толькі кішкі марша граюць.* (К. Крапіва).

Разные образы с одним и тем же компонентом *кішкі* иллюстрируют ФЕ *кішкі трубяць* (Ф-1993: 253) і *кішкі зліплія* с общим значением ‘нехта адчувае моцны голад, вельмі хоча есці’ (Д-2020: 258) , в которых по-разному выражено представление об ощущении голода и сильном желании поесть, но с присущей для них общей шуточной экспрессивно-оценочной окраской. Так, в первой ФЕ кишки как живое существо извещают, трубят о таком состоянии человека, уподобляясь как часть к целому; в другой метафорический образ иллюстрирует уподобление сильного и длительного голодания человека слипанию кишок из-за отсутствия еды. Например: *Мамо, хутчэй настаўляй на стол: у мяне ўжэ кішкі зліплія.* (Д-2020: 258).

Перечень ФЕ с компонентом-соматизмом дополняют те, в которых по-разному, но через образное представление посредством ощущения через определённый соматизм передаётся физическое состояние человека, испытывающего голод и желание поесть. В частности, о сильном чувстве голода, а ещё и о продолжительности такого существования человека извещает образ ФЕ *палец смактаць ‘галадаць, быць галодным’* (Д-2020: 370), которая на основании

компонентов соотносится с соматическим и антропно-действенным (действие выполняет человек) кодами культуры, а по своему значению – с гастрономическим. Здесь жизнь человека впроголодь образно передана с помощью соматизма палец, обладающего многочисленными символами.

При образовании ФЕ *сліна /слінка цячэ /цякла* 'хто-н. адчувае моцнае жаданне з'есці, выпіць што-н. смачнае' (Л-2008-2: 413) использован соматизм *сліна*, ассоциативно воспринимаемый как индикатор вкусовых ощущений человека. В результате его использования выражается тонкий нюанс значения ФЕ: уже не просто показатель желания есть, а только съесть что-то особенное, вкусное. Например: *А талакно ж, братка! Смачней ад бацвінка! З самага роздум'я ўжо цячэ слінка.* (В. Дунін-Марцінкевіч).

Перечень образов с использованием соматических лексем-компанентов заключают две ФЕ с общим глагольным компонентом, но с различными образами и ФЕ с компонентом *духи*. Так, ФЕ *пад лыжачкай смокча /засмактала* 'каму-н. моцна захацелася есці' (Д-2020: 297) использован несуществующий орган, но обозначающий хорошо известное в народе место в груди, когда определённые сигналы в нём служат одним из показателей народного видения абстрактного понятия 'хотеть есть'. Например: *Я сёньня цялуткі дзень нічога ў роце не мела. Ужо пад лыжачкай смокча, так хочацца есці.* (Д-2020: 297). А вот во ФЕ *чарвячок смокча* 'каму-н. хочацца есці' (Д-2020: 563) указывается не место определения или ощущения голода, а субъект этого действия. И таким выступает червь, известный в религиозном мировосприятии как символ греха: «образ червя ассоциируется с образом змея – твари, вид которой принял дьявол, прельщая Еву вкусить запретный плод и нарушить долг повиновения Богу» [1, с. 719]. Здесь видим переосмысление исходного образа при образовании новой единицы, и червь выступает в роли дополнительного органа, действия которого служат ещё одним показателем ощущения голода. Например: *Пайшлі есці, а то ў мяне ўжо чарвячок смокча.* (Д-2020: 563). А во ФЕ *духі падцягнула* 'прагаладацца, хацець есці' (М-К-1972: 81) использован компонент *духи* как бестелесное существо, имеющее большое значение для жизни

человека. Например: *Рано ўстала, паехала ў Стоўпцы, ні пасьнедала з дому й там ні прышлося, дак духе пацягнуло*. (М-К-1972: 81)

И заключают семантическую группу единичные ФЕ с различными оттенками значения и новыми образами, созданными без использования соматизмов, но с прозрачной мотивацией: ФЕ *падваконне грызці* ‘сядзець у хаце галодным’ (Д-2020: 364), *Галадніцкі ўбіўся ў хату* ‘няма чаго есці, наступіў голад’ (Д-2020: 134) и ФЕ *голад не цётка* ‘пра стан галоднага і таму пераборлівага ў ядзе чалавека’ (М-К-1972: 56).

Таким образом, голод как один из базовых инстинктов человека занимает большое место во фразеологической картине мира белорусов. Об этом свидетельствует даже одна количественно и разнообразно представленная в белорусской фразеологии семантическая группа фразеологизмов о состоянии человека, испытывающего голод, желание поесть. И все выделенные фразеологизмы приобрели роль стереотипов, передают стереотипное представление народа о таком состоянии человека. И в основном это ощущение, такое состояние познано посредством познания человеком себя, своего организма, что и послужило созданию многочисленных образов с избранными, как правило, соматическими единицами.

Принятые сокращения источников ФЕ

Д-2020 – Даніловіч М.А. Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны. Гродна : ГрДУ, 2020. 267 с.; **Л-2008-1** – Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 1: А-Л. Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. 672 с.; **Л-2008-2** – Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 2: М-Я. Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. 704 с.; **Л-III-2007** – Ляшчынская В.А., Шведава З.У. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы. Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007. 312 с.; **М-К-1972** – Мяцельская Е.С., Камароўскі Я.М. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск: БДУ, 1972. 320 с.; **С-1991** – Санько З. Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. Мінск : Навука і тэхніка, 1991. 218 с.; **Сц.-1983** – Сцяшковіч Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск : Навука і тэхніка, 1983. 671 с. С. 576–622; **Ю-1974** –

Юрчанка Г.Ф. І сячэ і паліць (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны). Мінск : Навука і тэхніка, 1974. 296 с.

Літэратура

1. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2009. 784 с.
2. Бурукина О.А. Лещинская О.А. Культурные коды в русских и белорусских фразеологизмах со стержневыми компонентами-трофонимами. *Культура и цивилизация. Журнал по культурологии*. Т. 9. № 6А. 2019. С. 85–97.
3. Глазунова С.Е. Национальная вьетнамская кухня как отражение культурных и философских традиций. *Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения*. Шестой Межвузов. семинар по лингвострановедению: сб. научн. статей. Ч. 2 / под общ. ред. Л.Г. Ведениной. Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 15–72.
4. Захаренко И.В. «Ноги» в соматическом коде культуры (на примере фразеологии). *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей. Вып. 25. М.: «Макс Пресс», 2003. С. 86–96.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
6. Ляшчынская, В.А. Пра хлеб і да хлеба: Веды і вопыт беларусаў у фразеалагічных адзінках мовы. *Роднае слова*. 2011. № 10. С. 38–42.
7. Ляшчынская В.А. Эталоны і стэрэатыпы ў беларускіх саматычных фразеалагізмах: есці на поўны рот ці на зуб? *Слов'янська писемність у контексті хрысціянскай культуры*: матеріалы круглага столу до Дня слов'янскай писемності та культуры. Миколаїв: МНУ імені В.О. Сухомлинського, 2013. С. 134–139.
8. Ляшчынская В.А. Трафонімы ў фразеалогіі як адлюстраванне культуры беларусаў. *Славянский мир: духовные традиции и словесность*: сб. статей по материалам Международной научной конференции / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.]. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019. С. 374–383.
9. Ляшчынская В.А. Культурна-моўная спецыфіка фразеалагізмаў-характарыстык ежы. *Весці БДПУ, Серыя 1*. 2021. № 2. С. 69–73.

10. Мед Н.Г. Национально-культурная специфика испанских фразеологизмов с гастрономическим компонентом. *Язык. Сознание. Коммуникация*: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2014. Вып. 50. С. 216–222.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.: под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Изд-во «Русский язык», 1981. 698 с.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.: под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. М.: Изд-во «Русский язык», 1982. 736 с.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5-ці т. Т. 5. Кн. 2 : У-Я / [Рэд. тома М.Р. Суднік]. Мінск : Выд-ва Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1984. 608 с.

Поплавная Л.В.

кандидат филологических наук

доцент кафедры белорусского языка

Гомельский государственный университет

имени Франциска Скорины

КОМПАРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ ЯКУБА КОЛАСА

***Аннотация.** В статье на материале поэтических произведений классика белорусской литературы Якуба Коласа рассматриваются компаративные фразеологизмы как средство образной характеристики персонажей и показа реалий их быта. Через языковые образы автор показывает своё видение окружающего мира, выявляет свою творческую индивидуальность.*

***Ключевые слова:** компаративный фразеологизм, образность, поэтический язык, компонент, объект сравнения.*

***Poplavnaya L. Comparative phraseological units as a means of artistic expression in the poetic language of Yakub Kolas.** The article examines comparative phraseological units as a means of figurative characterization of characters and showing the realities of their life based on*